САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Казакова Ксения Сергеевна

Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в.

специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург – 2010

Работа выполнена на кафедре истории дореволюционной России исторического факультета Петрозаводского государственного университета

Научный руководитель: кандидат исторических наук, доцент **Татьяна Николаевна Жуковская**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук **Алексей Николаевич Цамутали**

доктор исторических наук, доцент **Оксана Борисовна Вахромеева**

Ведущая организация: Институт Российской истории РАН

Защита диссертации состоится «____» _____2011 г. в ___ часов на заседании совета Д.212.232.57 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, исторический факультет, ауд. 70

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке имени А.М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета.

Автореферат разослан «____» _____2011 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор А.В. Петров

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. История становления и развития университетов в России на сегодняшний день является одной из приоритетных тем в исторической науке. В работах последних лет принято говорить о достаточно открытом, но специфически организованном «мире университета», «университарии», вписанном в социально-культурный ландшафт университетских городов и, одновременно, множеством нитей связанном с общеевропейским научно-культурным пространством[1]. В лоне университета шло становление нового типа личности «универсанта» – носителя определенных социокультурных признаков, бытовых традиций и поведенческих качеств. Интерес к истории российской высшей школы как социального института продиктован возрастанием роли образования и университетской науки в решении современных экономических, политических, социальных проблем, необходимостью сохранения культурных и нравственных традиций общества, проведения эффективной молодежной политики.

История российских университетов дореформенного периода, рассмотренная с историко-социологической точки зрения, как нам представляется, откроет возможности нового понимания целого комплекса проблем, недостаточно освещенных в уже существующих исследованиях. Определение социального и правового статуса дореволюционного студента позволит, на наш взгляд, лучше понять специфику положения учащейся молодежи в современном обществе, может способствовать активному поиску путей решения остро стоящих проблем платного обучения, целевого набора студентов с последующим их распределением на рабочие места, оптимизации стипендиальной политики. Ретроспективный анализ социальных связей и отношений дореволюционного студенчества, формирования корпоративной этики поможет запустить механизм исторической преемственности в организации учебно-воспитательного процесса в современной высшей школе.

Объектом изучения в диссертации является студенческое сообщество Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в.

Предмет исследования – правовой статус студентов Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в. и социокультурные процессы в среде петербургского студенчества данного периода.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1819 г., то есть с момента открытия Санкт-Петербургского университета до 1861 г., ко-

---

[1] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. М., 2002-2003. Т. 1-4; *Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra Universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели. Московский университет в историко-культурной среде XVIII века. М., 2006.

гда университет в связи с «беспорядками» был закрыт до введения в действие нового университетского устава. Нижняя грань, за которую нами принят 1819 год, весьма условна, поскольку, исследуя особенности внутриуниверситетской жизни первой трети XIX в., неизбежно приходится обращаться к истории Педагогического института (1804-1816 гг., в 1816-1819 гг. – Главного Педагогического института) как непосредственного предшественника университета. Мы рассматриваем историю этого учреждения как часть истории С.-Петербургского университета[2]. Это было учебное заведение, хоть и не получившее прав самоуправления, однако осуществлявшее ряд функций университета, формально названное «отделением университета». В 1819 г. оно фактически не «преобразовывалось» в университет, а со всем своим штатом, подразделениями, студентами и читаемыми курсами (не измененными) было в университет *переименовано*. Новый устав, так и не принятый, должен был закрепить и развить уже существующие, сложившиеся до 1819 г., особенности столичного университета.

Цель исследования – изучить процесс формирования студенческого сообщества дореформенного университета (на примере Санкт-Петербургского) в правовом и социальном отношении, выявить особенности социального облика студентов столичного университета первой половины XIX в.

Для достижения данной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных исследовательских задач:

1) рассмотреть правовые нормы и практики студенческой жизни в их соотнесении, определить правовой статус студента

2) установить особенности состава студентов Санкт-Петербургского университета в зависимости от их сословного, национального, материального положение, возраста.

3) проследить социальные связи и отношения студента как внутри университета, так и вне университетского пространства

4) исследовать процесс оформления студенческой корпоративности в столичном городе и университете

---

[2] В историографии университетского образования представлены две противоположные точки зрения относительно преемственности Академического университета XVIII века и Санкт-Петербургского университета XIX века. См.: *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII-начале XIX в. Л., 1988; *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XIX в. СПб., 2000; *Жуковская Т.Н.* Какая история нужна Петербургскому университету // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы междунар. научной конференции. 23–25 июня 2009 г. / Отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 463-478. Ср.: *Андреев А.Ю.* О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // Отечественная история. 1998. № 5 С. 62-72; *Кулакова И.П.* Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // Российские университеты в XVIII-XX вв. Сб. науч. статей: Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 28-64.

5) определить профессиональный статус выпускников дореформенного университета в общественной иерархии, рассмотреть механизмы социальной адаптации выпускников и роль в этом процессе университета (на примере С.-Петербургского)

Методы исследования. В основу исследования положены научные принципы объективности и историзма, а также общенаучные методы: системно-структурный; метод классификации; метод типологизации. Среди используемых специально-исторических методов стоит назвать: 1) метод периодизации, позволяющий установить качественные изменения изучаемого объекта во времени и зафиксировать с определенной точностью моменты изменения; 2) сравнительно-исторический метод, используемый для сопоставления сходных исторических явлений с целью установления в них общих черт и различий. Так, повседневная жизнь студентов Петербургского университета рассматривается в сравнительной перспективе со студенчеством других русских университетов, что позволяет выявлять как общие тенденции процесса формирования студенчества, так и особенности жизни студенческого сообщества столичного университета.

В качестве конкретных инструментов поиска, отбора и интерпретации источников были использованы методы архивной эвристики, приемы внешней и внутренней критики источника. Анализ комплекса источников, отражающих динамику возрастного, национального и сословного состава студентов столичного университета в первой половине XIX в., осуществлен с использованием статистических методов, что позволило определить динамику указанных показателей в 1830-1850-х гг., выявить специфику социального облика петербургского студенчества за эти годы.

Характер изученности проблемы. Изучение истории Санкт-Петербургского университета началось в дореволюционной отечественной историографии с середины XIX в. История студенчества нашла отражение в работах, посвященных отдельным российским университетам[3]. Основы научной историографии Санкт-Петербургского университета заложил труд В.В. Григорьева, представляющий собой первое документированное описание основных событий жизни столичного университета[4]. Определенная работа по систематизации и обобщению материалов университетского делопроизводства была проделана еще раньше А.С. Вороновым. Этот автор широко использовал материалы официальных документов и статистики, касающиеся исто-

---

[3] *Загоскин Н.П.* История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования. 1804-1904. Т. 1-4 Казань, 1902-1904; *Петухов Е.В.* Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет его существования (1802-1902) Т.1. Юрьев, 1902; Первое двадцатипятилетие Санкт-Петербургского университета. Историческая записка по определению университетского совета, читанная ректором университета Петром Плетневым на публичном торжественном акте 8 февраля 1844 г. СПб., 1844.

[4] *Григорьев В.В.* Императорский Санкт-Петербургский университет в течение первых 50 лет его существования. СПб., 1870.

рии студенчества столичного университета[5]. В начале XX столетия вышло несколько исследований профессора С.-Петербургского университета С.В. Рождественского, основанных на богатом фактическом материале[6]. В его работах, в частности, рассматривается сословная политика государства в отношении высшей школы, анализируется вопрос о формировании студенческого контингента из разных сословных групп[7]. Следует отметить также работы П.Н. Милюкова[8], в которых автор довольно подробно анализирует изменения правительственной политики в отношении студентов университетов на протяжении первой половины XIX в.

В советское время социальные аспекты истории высшей школы не относились к числу привлекательных тем. Наибольшее внимание историки традиционно уделяли рассмотрению роли учащейся молодежи в революционно-освободительном движении.

Однозначно, как крайне реакционная, оценивалась политика самодержавия в области университетского образования в статьях Ю.Н. Егорова[9]. Автор рассматривал изменение сословного состава учащихся Санкт-Петербургского университета как результат сословно-охранительной политики правительства в 30-50 гг. XIX в.[10].

Важным этапом в историографии стал коллективный труд, изданный к 150-летнему юбилею Ленинградского университета. Вводная глава этой книги была написана С.Б. Окунем и содержала немало концептуальных положений об особенностях становления столичного университета и правительственных стратегиях в отношении студенчества[11].

Особо следует отметить фундаментальные работы Р.Г. Эймонтовой[12].

---

[5] *Воронов А.С.* 1) Историко-статистическое обозрение учебных заведений С-Петербургского учебного округа с 1715 по 1828 гг. СПб., 1849; 2) Историко-статистическое обозрение учебных заведений С-Петербургского учебного округа с 1829 по 1853 гг. СПб., 1854.

[6] *Рождественский С.В.* 1) Исторический обзор деятельности МНП 1802-1902. СПб., 1902. 2) Очерки истории системы народного просвещения: в 2 тт. СПб., 1912. Т. 2.

[7] *Рождественский С.В.* Сословный вопрос в русских университетах // ЖМНП. 1907. № 1907. Ч. 9. Отд. 2. С. 3-28.

[8] *Милюков П.Н.* 1) Очерки по истории русской культуры: в 3 тт. Т. 2. Ч. 2. М., 1994 (первое изд.: 1899-1903 гг.) 2) Русские университеты // Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон. Т. 68. СПб., 1902. С. 788-800.

[9] *Егоров Ю.Н.* Реакционная политика царизма в вопросах университетского образования в 30-50-х гг. XIX в. // Исторические науки. 1960. №3. С. 60-75.

[10] *Егоров Ю.Н.* Студенчество Санкт-Петербургского университета в 30-50-х годах XIX в., его социальный состав и распределение по факультетам // Вестник Ленинградского университета. Сер. История. 1957. № 14 С. 5 - 19.

[11] История Ленинградского университета. Очерки. 1819-1969. Л., 1969. С. 11-62. Гл. 1: «Основание Санкт-Петербургского университета и начальный период его деятельности (1819-1855)».

[12] *Эймонтова Р.Г.* 1) Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; 2) Русские университеты на путях реформы: шестидесятые годы XIX века. М., 1993.

Опираясь на широкий круг источников, исследовательница характеризует поколение студентов 1850–1860-х гг. как единую социальную группу, уделяя значительное внимание студенческим тайным обществам, революционной деятельности, студенческим волнениям, причины которых усматриваются в жесткой университетской политике правительства.

В работах Л.А. Булгаковой проанализирована государственная политика в области образования второй четверти XIX в., затронуты проблемы социального состава и материального положения учащихся[13].

Единственным исследованием, посвященным первым годам деятельности Санкт-Петербургского университета в собственном статусе, до сих пор остается монография Е.М. Косачевской[14].

В исследованиях Ю.Д. Марголиса и Г.А. Тишкина 1980-1990-х гг., которые поставили вопрос о преемственности Академических университета и гимназии XVIII века и Санкт-Петербургского университета XIX века[15], дана общая характеристика быта воспитанников этих учебных заведений, а также затрагивается проблема социального статуса академических студентов. Ряд статей Ю.Д. Марголиса посвящен студенческим сообществам первой половины XIX в.[16]

История университетского образования, как и история русского студенчества, представляет собой одно из важных направлений, которое активно разрабатывается в современной историографии.

Подход к изучению студенчества как особой общественной группы с характерным набором ценностных установок, идеологических и коммуникативных практик предложен в научно-популярной работе Н.Я. Олесич[17], рассматривающей петербургское студенчество пореформенной эпохи, а также в исследованиях А.Р. Маркова, посвященных петроградским студентам 1910-х - первой половины 1920-х гг.[18]

К числу работ, где рассматриваются различные аспекты жизни университетского студенчества, относится фундаментальная монография Ф.А. Пет-

---

[13] *Булгакова Л.А.* 1)Русская интеллигенция во второй четверти XIX в. Дисс. …канд. ист. наук. Л., 1983; 2) Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество: Материалы круглого стола, посвященного 80-летию со дня рождения И.В. Пороха. Саратов, 2004. С. 124-134.

[14] *Косачевская Е.М.* Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX в. Л., 1971.

[15] *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* 1)«Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII-начале XIX в. Л., 1988; 2)«Единым вдохновением»: Очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII – первой половине XIX в. СПб., 2000.

[16] *Марголис Ю.Д.* 1) Петрашевцы – студенты Петербургского университета // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т.VII. СПб., 1998. С.99-123; 2) Студенты-поляки Петербургского университета 40-60-х годов XIX в. // Польские профессора и студенты в университетах России в конце XIX – начале XX века. Варшава, 1995. С. 132-145.

[17] *Олесич Н.Я.* Господин студент Императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1999.

[18] *Марков А.Р.* Что значит быть студентом: Работы 1995-2002 годов. М., 2005.

рова[19], претендующая на место основного обобщающего труда по истории становления и организации системы высшего образования России в первой половине XIX в. Рассматривая правительственную политику по отношению к студенчеству, автор выявляет ее положительное и негативное влияние на формирование контингента учащихся и положение студентов в университете.

В последние десятилетия в историографии университетского образования вырос интерес к социально ориентированной истории. Существенный вклад в разработку социальной истории студенчества российских университетов внес А.Е. Иванов[20]. Предметом особого внимания историка стала проблема корпоративной организации учащихся[21]. Однако интересующий нас период затрагивается в исследованиях А.Е. Иванова лишь фрагментарно, поскольку они опираются на документальные комплексы, относящиеся к последним десятилетиям XIX - началу XX в. Вопросы, связанные с социальной функцией университета, также затрагиваются в работах Т.Н. Жуковской и др. авторов, строящих свои выводы на материалах С.-Петербургского университета 1800-1850-х гг.[22]

В публикациях последних лет представлены новые подходы к рассмотрению истории университетского образования в России. Расширение исследовательского поля является, прежде всего, результатом утверждения антропологического подхода в исследованиях, который демонстрируют труды Е.А. Вишленковой[23], Т.В. Костиной[24], написанные на материалах Казанского уни-

---

[19] *Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. М., 2002-2003. Т. 1-4

[20] *Иванов А.Е.* Студенчество России конца XIX – начала XX века. Социально-историческая судьба. М., 1999.

[21] *Иванов А.Е.* 1) Высшая школа России в конце XIX — начале XX века. М., 1991; 2) Ученые степени в Российской империи. XVIII в. – 1917 г. М., 1994; 3) Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С.23-33; 4) Студенчество России конца XIX - начала XX века: Социально-историческая судьба. М., 1999; 5) Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX века: опыт культурной и политической самоорганизации. М., 2004 6) Еврейское студенчество в высшей школе Российской империи начала XX века. Каким оно было? Опыт социокультурного портретирования. М., 2007

[22] *Жуковская Т.Н.* 1) «Императорский университет»: система высочайшего вмешательства в жизнь университетов в первой половине XIX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX века. Исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С. 74-89; 2) Между Марсом и Минервой: война, военная служба и универсанты в первой половине XIX века // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. 2009. Вып. 29. С. 285-307; *Жуковская Т.Н., Казакова К.С.* Русский студент дореформенной эпохи: нормы и практики корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63-76.

[23] *Вишленкова Е.А.* Казанский университет александровской эпохи: альбом из нескольких портретов. Казань, 2003; *Вишленкова Е.А* Публичная и частная жизнь университетского человека в Казани XIX века // Адам и Ева. 2004. № 7. С. 172-201; *Вишленкова Е.А. Малышева С.Ю., Сальникова А.А.* Terra universitatis: два века университетской культуры в Казани. Казань, 2005; *Вишленкова Е.А.* Университетский человек и время // Образование и просвещение в губернской Казани. Вып. 2. Казань, 2009. С. 24-52 и др.

верситета. Благодаря работам И.П. Кулаковой в научный оборот было введено понятие «университетского пространства».[25] Жизнь русского студенчества и университетской корпорации более позднего времени рассмотрена в контексте культурных связей с городским окружением[26]. Интерес к университетской тематике в последние годы способствовал появлению ряда работ по истории университетского быта, в том числе посвященных Петербургскому университету.[27]

Особенно привлекательной в последние годы стала проблема трансфера и адаптации европейских образовательных традиций в Российской империи[28]. Отметим, что она рассматривается в основном на материалах Московского, Казанского, Харьковского университетов, а документы по истории Санкт-Петербургского университета остаются в работах представителей этого направления мало востребованными.

История университетского образования и студенчества в России изучается и в зарубежной историографии[29]. Однако на фоне широкого интереса к европейской университетской традиции специфика организации российских университетов и их социальной истории показана недостаточно. Еще слабее в исследованиях представлен дореформенный период, когда эта специфика была особенно заметна.

В целом, анализ состояния отечественной и зарубежной историографии показывает, что история студенчества Санкт-Петербургского университета в дореформенный период нуждается в дальнейшем изучении. Реконструкция

---

[24] *Костина Т.В.* Мир университетского профессора Казани. 1804-1863: Дисс. … канд. ист. наук. Казань, 2007. 226 с.; *Костина Т.В.* Карьера в университете, или сколько лет должно быть профессору? // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2007. С. 262-269.

[25] *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М., 2006.

[26] Университет и город в России (начало XX века) / Под ред. Т. Маурер и А. Дмитриева. М., 2009.

[27] *Гришунин П.В.* Студенчество столичных университетов: структуры повседневной жизни. 1820-1880-е гг. Автореф. дисс… канд. ист. наук СПб., 2005; *Чебыкина Н.В.* Быт студенчества Санкт-Петербургского университета в дореформенный период // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. Т. VIII. СПб., 2000. С. 104 -119.

[28] *Андреев А.Ю.* Российские университеты XVIII – первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начало XX в.: Сб. статей. Отв. сост. А.Ю. Андреев. М., 2009.

[29] *Kassov Samuel D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley, 1989; Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. СПб., 1999; *Маурер Т.* Новый подход к социальной истории университета: коллективная биография профессоров // Из истории русской интеллигенции. Сб. ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003. С. 273-302; *Friedman Rebekka* Masculinity, Autocracy and the Russian University. 1804-1863. L., Berkeley, 2005.

процесса складывания и социального облика этой группы стала возможной на основе привлечения и анализа широкого круга источников.

Источниковая база исследования

В диссертационном исследовании были использованы как опубликованные, так и неопубликованные источники. Их можно разделить на следующие виды:

1) законодательные документы,
2) материалы университетского делопроизводства,
3) периодическая печать,
4) источники личного происхождения.

К группе законодательных документов можно отнести законодательные и подзаконные акты (министерские постановления)[30], а также ведомственные распоряжения и циркуляры[31]. Эта группа источников положена в основу исследования правовой регламентации жизни университета и студенческого сообщества. С одной стороны, эти документы определяли общее направление образовательной политики правительства, а с другой – довольно подробно регламентировали различные стороны жизни универсанта. Из общего массива законодательных документов необходимо выделить университетские уставы 1804 и 1835 гг., Правила для студентов университета, инструкции инспекторам студентов, в которых отражены правовые, финансовые и дисциплинарные требования к учащимся со стороны университетских властей.

Все перечисленные официальные документы задавали общие правовые рамки существования студентов в университетах, на практике же нормы студенческой жизни значительно варьировались. Поэтому основой корпуса источников, на которых построено наше исследование, стали *делопроизводственные документы.* Непосредственно отражают процесс применения законодательных норм и правил к конкретным ситуациям, возникающим в повседневной жизни университетов документы Департамента народного просвещения (ф. 733) и канцелярии министра народного просвещения (ф. 735), которые хранятся в фондах Российского государственного исторического архива.

Делопроизводственные бумаги университетского Совета, Правления, представления попечителя Петербургского учебного округа, требующие утверждения в министерстве, касались как учебного процесса, кадровых назначений, так и регламентации внутриуниверситетской жизни. Большой интерес представляет также переписка попечителей учебных округов и министров по так называемым «студенческим делам». Прошения, донесения, отношения, представления, хранящиеся в фонде канцелярии министра народного просвещения, дают важную информацию об утверждении правовых норм студенче-

---

[30] Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т.1: Царствование Александра I. 1802-1825. СПб., 1864; Т. 2: Царствование императора Николая I. 1825-1855. СПб., 1864; Т. 3: Царствование императора Александра II. 1855-1864. СПб., 1865.

[31] Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Т. 1, 2. СПб., 1866.

ской жизни, выдаче денежного содержания студентам, студенческих «проступках», практиках зачисления, обучения и исключения студентов из университетов, полицейского надзора и репрессиях против «неблагонадежных».

Из всего массива делопроизводственной документации университета следует особо выделить отчеты С.-Петербургского университета, которые отчасти дублировались в ежегодно издававшемся «Годичном торжественном акте Императорского Санкт-Петербургского университета»[32], но представляли собой более подробный его вариант. Университетские отчеты, в отличие от опубликованных источников, обладают бóльшим информационно-статистическим потенциалом. Приложения к отчету содержат именные списки учащихся в Санкт-Петербургском университете за конкретные годы с указанием возраста, сословного происхождения, курса, успехов и учебного заведения, в котором данный студент обучался до поступления. В приложениях также помещались списки лиц, удостоенных ученых степеней, с указанием факультета, отделения, сословного происхождения, а также число студентов, выбывших из университета до окончания курса.

Кроме университетских отчетов, позволяющих получить представление о количественных и качественных характеристиках студенческого состава, основной массив делопроизводственных документов, касающихся правовой регламентации жизни университета, составляют дела о «происшествиях» (каузальные). Ценность таких дел заключается в том, что с их помощью удается проследить применение законодательных норм в конкретных ситуациях, выявить закономерности рассмотрения конфликтных ситуаций в разные годы.

Обширный комплекс университетского делопроизводства за рассматриваемый период находится в фондах Центрального государственного исторического архива г. Санкт-Петербурга: в ф.13 (Главный Педагогический институт), где представлены дела с 1803 по 1819 гг., ф. 14 (Петроградский университет), ф. 139 (канцелярия попечителя Петербургского учебного округа). Этот комплекс включает в себя переписку попечителей с ректорами и инспекторами по студенческим делам, дела университетского Совета и Правления. Как правило, это текущие дела, касающиеся зачисления студентов, перевода на казенное содержание, оставления при университете для дальнейшей специализации, распределения выпускников, т. е. обыденных университетских практик. Отдельно следует выделить дела, включающие отчеты инспекторов о поведении воспитанников, в которых помимо изложения проступков студентов, представлены характеристики университантов, их поведения, нрава, круга знакомств. Изучение огромного массива делопроизводственной документации, представленного в фондах ЦГИА СПб, необходимо потому, что многие дела, решение по которым не требовало обращения в вышестоящие инстанции, не дублируются в документах ведомственного делопроизводства, таким образом, информация, представленная в них, по сути, уникальна. Некоторые до-

[32] Впервые данные университетских отчетов публикуются в «Кратком отчете о состоянии императорского Санкт-Петербургского университета в течение первого четырехлетия с 1836-1840 гг., составленном орд. проф. Шульгиным». СПб., 1841.

кументы по истории Педагогического института и Петербургского университета из фондов ЦГИА СПб были опубликованы.[33]

Кроме основных университетских архивных комплексов в составе РГИА и ЦГИА СПб в диссертации использованы делопроизводственные документы университета, хранящиеся в составе личных фондов. Так, хранящиеся в Рукописном отделе Института Русской литературы РАН документы фонда Д.П. Рунича (ф. 263) детально освещают процесс «разбора студентов» в 1821 г. и содержат яркие характеристики студентов, составленные попечителем. Материалы фонда П.А. Плетнева (ф. 234), бывшего ректором Санкт-Петербургского университета в 1840-1861 гг., содержат его заметки о положении петербургского студенчества, личные письма студентов к ректору, материалы представлений ректора попечителю по студенческим делам.

Часть университетского делопроизводства, которая касается учебной деятельности в 1820-первой половине 1830-х гг., стажировки универсантов в Профессорском институте в Дерпте и в Германии, представлена в материалах, подготовленных к столетнему юбилею университета. Но опубликованные документы охватывают локальный период, поскольку этот издательский проект остался незавершенным [34].

Третья группа источников диссертации – *периодические издания*. В частности, это ведомственное издание «Журнал Министерства народного просвещения»[35]. Он используется, прежде всего, как источник официальных сведений об учащихся по всем университетам, позволяющий уточнить и дополнить сведения университетского делопроизводства.

Уникальную информацию об особенностях внутриуниверситетской жизни первой половины XIX в. можно получить из *источников личного происхождения*, прежде всего, мемуаров универсантов. Среди этих текстов имеются воспоминания, специально посвященные их авторами годам студенчества, такие как воспоминания Ф.Н. Фортунатова о Петербургском университете 1830-х гг.[36] или воспоминания общественного деятеля А.А. Чумикова о студенческих корпорациях[37], а также фрагменты более пространных жизнеописаний, когда мемуарист «встраивает» годы и события своей университетской молодости в общеисторический и индивидуально-биографический контекст

---

[33] Высшая школа Санкт-Петербурга. XIX – начало XX века. Сб. документов / Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб., 2007.

[34] С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности. 1819-1919. Материалы по истории С.- Петербургского университета. Т.1. 1819-1835. / Под ред. С.В. Рождественского. Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев. Пг., 1919.

[35] Издавался с 1803 г. под названием «Периодическое сочинение об успехах народного просвещения» (СПб., 1803-1819); затем журнал носил следующие названия: «Журнал департамента народного просвещения» (СПб., 1821-1824), «Журнал Министерства народного просвещения» (СПб., 1834-1917).

[36] *Фортунатов Ф.Н.* Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830-1833 годы // Русский архив. 1870 (1869). № 7. С. 305-340.

[37] *Чумиков А.А.* Петербургский университет полвека назад: Воспоминания бывшего студента // Русский архив. 1888. Кн. 3 № 9. С. 120-150.

(такова, например, автобиография Н.И. Иваницкого[38]). Мемуары многих универсантов отличаются ретроспективной идеализацией описываемых событий, что психологически объяснимо: воспоминания о «светлых» годах юности всегда окрашиваются иначе, чем изложение событий дальнейшей жизни, поэтому эти тексты требуют критического к себе отношения. В воспоминаниях содержатся сведения об учебных и научных традициях, университетских нравах, внеучебных занятиях и развлечениях студентов того времени.

В комплексе «петербургских» студенческих мемуаров, в отличие от «московских», и даже «казанских», нет текстов, которые были бы посвящены первым десятилетиям XIX в. В нем отражен период, начиная с 1830-х гг., а более ранние свидетельства единичны. Использование в работе мемуарных свидетельств, относящихся к истории других российских университетов первой половины XIX в., позволяет зафиксировать как общие тенденции, так и особенности жизни столичного студенчества.

В целом, имеющиеся источники позволяют решить поставленные задачи в рамках выбранной темы исследования.

Научная новизна исследования определяется тем, что впервые на основе архивного материала, не введенного прежде в научный оборот, было предпринято комплексное изучение процесса формирования и социально-исторических характеристик студенческого сообщества Санкт-Петербургского университета первой половины XIX в. Многие вопросы, рассмотренные в работе, не привлекали ранее специального внимания исследователей, в частности, вопросы зачисления и регулирования состава студентов дореформенного университета, определение источников финансирования малообеспеченных студентов, проблема адаптации универсантов в службе. Сделаны выводы относительно изменения правового и социального статуса дореформенного студенчества, а также предпринята попытка исторической реконструкции системы социальных связей петербургского студента в указанный период.

Результаты исследования могут найти **практическое применение** в специальных курсах по истории образования, истории университетов, истории культуры XIX в.

Основные результаты исследования прошли **апробацию** на заседании Семинара по истории высшей школы (С.-Петербург, 24 марта 2009 г.), Международной научной конференции «Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст».(С.-Петербург, 23-25 июня 2009 г.); Всероссийской научная конференции «Архивы и история российской государственности» (С.-Петербург, 11-12 декабря 2009 г.); Всероссийской научной конференции «Уроки истории – уроки историка», к 80-летию Ю.Д. Марголиса (С.-Петербург, 8-9 октября 2010 г.), на заседании кафедры истории дореволюционной России исторического факультета Петроза-

[38] *Иваницкий Н.И.* Автобиография // Русский архив. 1909. Кн. 3. № 10. С. 126-180.

водского государственного университета. Основные положения работы представлены в ряде публикаций, общим объемом 6, 5 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения, в виде таблиц. В текст диссертации включены графики и диаграммы.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность и хронологические рамки, определены объект, предмет, цель и задачи исследования, дана характеристика источников и историографии.

В первой главе *«Правовое положение студентов Санкт-Петербургского университета»* проанализированы правовые нормы существования студенческой корпорации, в их развитии, а также закрепленные практикой отступления от принятого законодательства. Предпринимается попытка сопоставления правовых условий жизни студентов С.-Петербургского университета, как с «внутренними» российскими университетами, так и с более европеизированными «окраинными» (на примере Дерптского), что позволяет рассмотреть указанные проблемы с учетом столичного положения университета, региональной и национальной специфики.

Первый параграф посвящен анализу дисциплинарных правил для студентов. Учащихся дореформенного университета объединял единый правовой статус, не зависящий от сословного происхождения, национальности или возраста. В первой четверти XIX в. правовое поле универсанта формировалось на основе отдельных правительственных распоряжений и постановлений, фиксирующих различные правовые аспекты студенческой жизни. Как правило, эти распоряжения были основаны на прецедентной практике. Специфика правового положения студента первой четверти XIX в. определялась тем, что пространство нормального и аномального, соотношение проступка и наказания, уровень допустимого вмешательства в частную жизнь студентов устанавливала профессорская корпорация, причем, регламентации подлежала не только учебная, но и бытовая жизнь воспитанника. Принципы правового регулирования положения студентов и их места в учебном процессе, утвердившиеся в этот период, надолго оставили студентов в зависимом положении «опекаемых», не только обучаемых, но и «воспитуемых». В то же время малочисленность университетского сообщества и его изолированность от городской жизни, особенно заметные в столичном Петербурге, содействовали оформлению особого «семейного» стиля взаимодействия между студентами и профессорами.

Реакционный поворот в политике правительства начала 1820-х гг. отразился в жизни столичного студенчества при назначении Д.П. Рунича исполняющим должность попечителя. С началом царствования Николая I правовое положение универсантов меняется. С увеличением числа студентов во всех университетах возникает необходимость уточнения правовых границ студенческой свободы и усиления полицейского надзора. Разрабатываются дисцип-

линарные правила для студентов, которые не только фиксируют нормы учебной жизни студента, но и определяют нормы его поведения, его поступки и образ мыслей. Постоянный контроль за исполнением дисциплинарных правил и нравственностью студентов был возложен на инспекцию, состоявшую по уставу 1835 г. из гражданских чиновников.

Сопоставление положения студентов столичного университета и «провинциальных» университетских центров приводит к выводу о том, что столичный университет требовал от студентов большей собранности не только в учебе, но и поведении. Учащиеся здесь были более осторожны в соблюдении внешних правил поведения, потому что дела о таких проступках чаще попадали в поле зрения министра народного просвещения и самого императора. «Высочайшая» резолюция могла иметь катастрофические последствия для судьбы «провинившегося».

На протяжении первой половины XIX в. менялись критерии оценки нравственности учащихся, соответственно, трансформировалось понимание проступка и соотнесение проступка и наказания. Закреплялась единая система дисциплинарных взысканий и наказаний. Сословное происхождение студентов, за исключением выходцев из податных сословий, которые лишь по окончании университета исключались из подушного оклада, формально не влияло на их правовой статус. Однако происхождение оказывалось существенным при разборе каких-либо дисциплинарных проступков. Несоблюдение предписанных норм поведения истолковывалось как нарушение «обязанностей» по отношению к обществу и могло привести к исключению из университета и потере прав. Но эта потеря не была полной. Можно сказать, что человек, однажды прикоснувшийся корпоративных привилегий, распространяющихся на студента, не выбывал из правового пространства университета окончательно, даже нарушив «социальный договор».

Во втором параграфе рассматривается вопрос о нормах и практиках зачисления в университет как особом механизме регулирования социального состава учащихся. Показано, что на протяжении рассматриваемого периода правила поступления и обучения студентов изменялись в соответствии с целями и задачами правительства в области образования. Если в первой четверти XIX в. особого социального заказа в отношении студента не существовало, а главной задачей было наполнение аудиторий слушателями, то с 1830-х г. были сформированы требования правительства не только в отношении познаний, достаточных для восприятия университетского курса, но и в отношении сословного положения абитуриентов. Однако в дореформенном университете действовали отступления от законодательно закрепленных правил приема и выпуска студентов в сторону их смягчения.

Процедура поступления в университет определялась характером предварительного образования поступающих. Целенаправленная политика министерства народного просвещения по комплектованию университетов преимущественно выпускниками гимназий способствовала постепенному вытеснению домашнего и частного образования, а, следовательно, упрощению

процедуры зачисления в университет для бóльшего числа поступающих. Предварительное образование, полученное студентом до поступления в университет, определяло качество его образовательной подготовки и процесс адаптации к условиям университетской жизни.

В образовательном пространстве Российской империи помимо существования жестких дисциплинарных норм и регламентации публичного и частного поведения студента, порядка зачисления в университет, серьезные ограничения имела сама «свобода обучения», т. е. академическая свобода. В *третьем параграфе* рассмотрены правила обучения и выпуска студентов из университета. Собственно, сама цель обучения в университете для русских студентов формулировалась не как самодостаточное образование, приобретение познаний, а прежде всего как подготовка к вступлению в службу. Получение университетского диплома становилось первой ступенью служебной карьеры, а для многих было необходимым условием вертикальной социальной мобильности. Введение курсовой системы и дифференциация необходимого объема полученных знаний свидетельствовали о тенденции к прагматизации системы университетского образования. Дисциплинарные требования к обучению диктовали студенту необходимость соблюдать заданные рамки учебного процесса, принуждали к выполнению необходимых условий прохождения университетского курса. Однако законодательно закрепленные правила обучения сталкивались с практиками их нивелирования или сглаживания, оставляя учащимся некое пространство для свободы учебных отношений. С начала 1840-х гг. уменьшение числа студентов, оставленных по «малоуспешности» для повторного прохождения курса, наряду с незначительными колебаниями количества отчисленных за неуспехи, свидетельствует о повышении уровня подготовленности учащихся.

Вторая глава *«Социальный облик петербургского студента»* посвящена изучению внутренней стратификации студенчества (социальной, имущественной, национальной, культурной). В *первом параграфе* предпринята попытка, опираясь на данные университетской статистики, определить численный, возрастной и сословный состав учащихся Санкт-Петербургского университета в изучаемый период, выявить изменения этих показателей в зависимости от правительственной политики.

Численность студентов была существенным показателем привлекательности университетского образования вообще и престижа столичного университета. На протяжении рассматриваемого периода менялась численность студентов по факультетам, что являлось отражением востребованности различных отраслей научного знания и популярности их в обществе. В Петербургском университете, в отличие от Московского и провинциальных, возрастной состав студентов был более стабильным. Минимальный возраст, который был определен университетским законодательством в 16 лет, имели, как правило, дворяне, получившие домашнее образование.

Сословный состав учащихся являлся предметом пристального внимания правительства. В отношении студентов из податных сословий в процессе за-

конодательного регулирования, а также повседневными практиками была выработана процедура исключения из податного состояния, которая была призвана не только исключить какие-либо нарушения закона при прохождении различных властных инстанций, но и социально защитить студента. Число выходцев из податных сословий в столичном университете с момента принятия устава 1835 г. плавно росло, однако со второй половины 1840-х гг. их число заметно снижается, что было обусловлено изменением университетской политики правительства.

Особую группу среди учащихся составляли выходцы из среды духовенства, получившие предварительное образование в семинариях. Для них поступление в университет представляло собой, прежде всего, возможность выхода из духовного звания. Университетское начальство, опасаясь психологического настроя этой группы учащихся, при нарушении ими дисциплинарных правил применяло к ним более жесткие меры наказания и устанавливало более строгое наблюдение. Положение бывшего семинариста на студенческой скамье было очень шатким в правовом отношении, ибо в случае неспособности окончить университет, он оказывался маргиналом или социально ущемленным, т. е. происходила его необратимая десоциализация. Если в первые годы после преобразования Педагогического института в Петербургский университет доля выходцев из среды духовенства среди студентов была преобладающей, то уже в следующее десятилетие их численность снижается до 3-4 % от общей массы учащихся. Рост числа выходцев из среды духовенства снова наметился во второй половине 50-х гг. XIX в.

Число студентов-дворян в столичном университете было традиционно выше, чем в других русских университетах. Доля студентов-дворян в столичном университете оставалась более или менее стабильной в 40-50-е гг. XIX в. Среди студентов-дворян в столичном университете выделялась группа аристократов.

Второй параграф посвящен рассмотрению особенностей национального состава студенчества. Отличительная особенность Петербургского университета состояла в том, что в течение длительного времени он был самым многонациональным по составу студентов. Основным критерием приема в университет для представителей национальных меньшинств были способности воспитанника, его успешность и лояльность на протяжении обучения. Самую большую группу после русских составляли студенты-поляки. Причины увеличения числа студентов польского происхождения во второй половине1830-х – 1840-х гг. определялись национальной политикой правительства.

Кроме того, в столичном университете обучались закавказские уроженцы, студенты немецкого, финского происхождения, обучение которых отвечало практическим потребностям подготовки кадров для окраин Российской империи, а также иностранцы, число которых было невелико. Обучение студентов было законодательно поставлено под контроль не только университетской администрации, но и особых национальных комитетов, существовавших в составе высших государственных учреждений (Кавказского комите-

та), а также административного управления национальных окраин (Правительственной комиссии народного просвещения в Царстве Польском, статс-секретариату Великого княжества Финляндского). Представители национальных меньшинств пользовались некоторыми преимуществами в отношении порядка обучения, однако дисциплинарный надзор за их политической лояльностью и образом мыслей был более жестким, чем по отношению к русским студентам.

Особым рычагом корректирования социального состава учащихся была материальная поддержка студентов посредством различных стипендий и выплат. В *третьем параграфе* второй главы изложены наблюдения о том, какие стипендии и пособия существовали в первой половине XIX в. для студентов Санкт-Петербургского университета, а также о числе учащихся, получающих данные выплаты. Необходимость финансовой поддержки «недостаточных» студентов возникла с введением платы за обучение и постепенным ее повышением. Механизмы финансовой помощи университета студенту были различны: полное или частичное освобождение от платы за обучение, перевод на казенное содержание, денежные пособия, стипендии. Непременным условием получения данных выплат являлась успешная учеба и хорошее поведение. Однако размер финансовой помощи студенту был невелик, а количество пособий было меньше числа нуждающихся. В дореформенном университете существовала практика личных обращений студентов о финансовой помощи не только к университетской администрации, но и к вышестоящим инстанциям.

В **третьей главе** *«Петербургский студент в системе общественных связей»* рассматриваются особенности связей и отношений студента внутри университета, а также отношения студентов и внеуниверситетской среды.

Первый параграф посвящен отношениям студентов и профессоров, которые определялись как предписанными законодательными нормами, так и практикой внутриуниверситетской жизни. Отношения профессора и студента являлись не только индивидуальными, но и социально-групповыми, а взаимодействие младшего и старшего поколений университетской корпорации вырабатывало особую культуру общения студента и преподавателя. Национальная специфика университета в России заключалась в том, что связи и отношения профессорской корпорации и студенчества были жестко фиксированы нормативными документами. Отсутствие свободы выбора как учебных курсов, так и преподавателя, порождало ситуацию конфронтации между студентами и теми профессорами, которые не соответствовали ожиданиям учащихся. Формы студенческого сопротивления интеллектуальному принуждению были разнообразны: от пропуска лекций до коллективных выступлений и, так или иначе, были проявлением стремления студентов влиять на уровень преподавания. Изменение характера взаимодействия между студентами и профессорами отражалось в трансформации принятых способов коммуникации между ними.

Во *втором параграфе* рассматриваются существовавшие в столичном университете студенческие объединения, число которых было невелико. Как правило, это были немногочисленные кружки, цель которых отвечала интересам их членов. Корпорации, существовавшие в С.-Петербургском университете в конце 1830-х – начале 1840-х гг., также не смогли объединить всех студентов. Коллективная идентичность учащихся в это время только начинала формироваться, причем тенденция к корпоративной консолидации студенчества не поддерживалась университетским начальством. Попытки любых коллективных действий студентов встречали противодействия со стороны инспекции, администрации и руководства министерством народного просвещения. Тем не менее, обычные практики студенческой жизни имели постоянную апелляцию к корпоративным основам сообщества, благодаря складывающимся общеуниверситетским ценностям и ритуалам.

Третий параграф посвящен взаимодействию студентов и петербургского общества. Отношения студентов с городским сообществом строились в общем русле взаимодействия города и университета и прошли путь от самоизоляции до интеграции в городское пространство. Социальные отношения универсанта с просвещенной частью общества были прочными и лояльными с обеих сторон и довольно тесными, начиная со второй половины 1830-х гг., когда университет начал играть заметную роль в культурной жизни столицы.

В первой половине XIX в. сфера социальных контактов студента за пределами университета определялась, как правило, его происхождением. Социальный статус студента оценивался горожанами как невысокий, а собирательный образ студента в глазах обывателей был скорее негативным. В этом заключалась причина многих конфликтных ситуаций, возникавших в процессе взаимодействия студентов с городской средой и конкурентными социальными группами (офицерством). На стадии интеграции университетского сообщества людей в социальное пространство столичного города, к поведению студентов предъявляются строгие нормативные требования, однако с укоренением корпоративных ценностей и модели поведения «университетского человека» в 1840-х – 1850-х гг. университет в случае необоснованного обвинения встает на защиту студента, как члена корпорации.

Особые социальные связи и отношения университета как социального института и студента складывались после окончания учебы. Рассмотрению системы контроля за выпускниками С.-Петербургского университета посвящен *четвертый параграф* данной главы работы. Университет оказывал решающее и длительное воздействие на карьеру выпускника, особенно это относилось к казеннокоштным студентам, обязанным службой по учебному ведомству. Система распределения студентов на места, существовавшая в дореформенном университете, была добровольной и учитывала интересы выпускников. Наиболее способные из студентов имели возможность остаться при университете для подготовки к профессуре, чтобы впоследствии пополнить университетское сообщество. В целом, университет играл роль «социального лифта» для большинства студентов первой половины XIX в.

В **заключении** сделаны следующие выводы:

1. Статус студента являлся переходным и не слишком престижным в социальной иерархии. Во время обучения студент находился в определенном правовом поле, границы которого менялись на протяжении всего рассматриваемого периода. Законодательство фиксировало нормы и правила поведения студентов в университете и за его пределами, задавая систему ценностей и очерчивая сферу общения. В первой четверти XIX в. граница между нормой и проступком определялась профессорской корпорацией, позже – правительственными документами. В николаевское время юридически закрепленное правовое поле универсанта было существенно более ограниченным, чем то, которое реально формировалось в ходе университетских отношений. В повседневной жизни универсант продолжал пользоваться гораздо большей свободой выбора, чем это определялось властью.

2. Правовые рамки жизни и деятельности студента ограничивались правилами, регламентирующими как поведение, так и отношение к учебному процессу. Система «испытаний» (экзаменов) была одним из рычагов формирования студенческого состава, регулирования его качественных и количественных характеристик. Система научной аттестации и единые условия учебного процесса определяли необходимый уровень профессиональной подготовки студентов.

3. Студенческое сообщество Петербургского университета на протяжении рассматриваемого периода изменялось в сословном, возрастном, национальном отношении. Особенностью состава студентов столичного университета в сравнении с провинциальными, была бóльшая доля дворян среди студентов, многонациональный состав сообщества. Для выходцев из непривилегированных сословий университетское образование становилось средством быстрой вертикальной социальной мобильности в будущем.

4. Комплектование студенческого состава представителями различных национальных групп определялось прагматическими задачами национальной политики правительства и поэтому в меньшей степени зависело от принципа «сословности», декларированного МНП, чем это имело место в отношении русских студентов. При том что дисциплинарные нормы и правила для всех студентов были едиными, за представителями национальных меньшинств (инославными) устанавливался более строгий надзор. Кроме того, для разных национальных групп были определены особые правила обучения.

5. Университет и студенты были связаны системой финансовых обязательств, которая регулировалась государственной властью. В дореформенное время доминировали государственные формы помощи малообеспеченным студентам. В столичном университете на протяжении 1820-1830-х гг. шло быстрое сокращение доли казеннокоштных и замещение их стипендиатами и своекоштными, как правило, выходцами из дворян.

6. В процессе выстраивания отношений внутри университетского сообщества и социального взаимодействия с неуниверситетским (городским) окружением постепенно формировалась коллективная идентичность студенче-

ского сообщества. Отношения профессора и студента на протяжении рассматриваемого периода трансформировались от патриархально-семейных до официальных, вписанных в дисциплинарные рамки учебного процесса. Выявленные формы студенческого сопротивления интеллектуальному принуждению были отражением стремления студентов влиять на содержание и качество преподавания.

7. Корпоративность проявлялась в возникновении и деятельности закрытых студенческих обществ, кружков, формировании неписаных норм, определяющих уклад жизни универсантов. К концу рассматриваемого периода можно говорить об отражении коллективной идентичности студенчества в социальных практиках. Студенческая корпорация находилась в состоянии складывания в течение 30-50-х гг. XIX в., моментом зрелости студенческой корпоративности в столичном университете можно считать студенческие волнения 1861 г.

8. Характер отношений универсанта с городским окружением в значительной мере определялся его сословным происхождением. Интеграция студентов в столичную городскую среду, находящуюся вне зоны взаимодействия с университетом, происходила постепенно и в большинстве случаев имела форму социального конфликта. Характер взаимодействия во многом определялся противоречием между высокой самооценкой студентов, являвшейся выражением формирующегося корпоративного сознания, и низкой социальной оценкой статуса студента со стороны общества.

9. Дореформенный университет выполнял социально-адаптационную функцию по отношению к своим воспитанникам. Степень влияния университета на жизнь выпускника была наиболее значительной по отношению к бывшим казеннокоштным студентам. Это влияние было длительным и разносторонним. Дореформенный университет в Российской империи становился тем социальным лифтом, который предоставлял выходцам из податных сословий или из среды обедневшего дворянства возможность встроиться в систему государственной службы и тем самым повысить свой социальный статус. Сложившаяся в 1810-1830-х гг. внутриуниверситетская иерархия, соединяющая чины с учеными званиями, степенями и учеными должностями, все более эффективно влияла на выбор студентами науки и образования в качестве сферы профессиональной реализации.

В **Приложении** представлены таблицы численности студентов Санкт-Петербургского университета по видам оплаты за обучение (1819-1859), по сословному происхождению, по вероисповеданию и предварительному образованию, составленные по данным университетских отчетов за 1834-1859 гг. Кроме того, в приложение помещены данные о численности студентов, выбывших из Санкт-Петербургского университета до окончания курса за 1834-1859 гг. с указанием причин исключения, а также сведения о государственных и частных стипендиях для студентов столичного университета.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. *Казакова К.С.* Русский студент дореформенной эпохи: нормы и практики корпорации // Отечественная история. 2007. № 6. С. 63-76 (в соавт. с Т.Н. Жуковской) (личный вклад автора 0,7 п.л.)

2. *Казакова К.С.* Специфика отношений профессоров и студентов в русском университете первой половины XIX в. // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 2. С. 72-79. (0,7 п.л.)

В других изданиях:

1. *Кузнецова К.С.* (*Казакова К.С.*) Университетский быт первой половины XIX века: историческая реконструкция // Восьмая Санкт-Петербургская Ассамблея молодых ученых и специалистов. Аннотации работ по грантам Санкт-Петербургского конкурса 2003 года для студентов, аспирантов и молодых специалистов. СПб., 2003. С. 5-6. (0,025 п.л.)

2. *Кузнецова К.С.* (*Казакова К.С.*) Из истории университетского быта: студенческие корпорации и землячества 1830-1840-х годов // Ante annum: Сб. науч. работ студентов и аспирантов ист. ф-та. Вып. II. Петрозаводск, 2004. С.67-80. (0,6 п.л.)

3. *Казакова К.С.* Быт русского студенчества первой половины XIX в. // Человек в социокультурном пространстве: Европейский Север России. Апатиты, 2005. С.172-182. (1 п.л.)

4. *Казакова К.С.* Повседневная жизнь русского студенчества 1800-1850-х гг. // Ante annum: Сб. науч. работ студентов и аспирантов ист. ф-та. Вып. IV. Петрозаводск, 2008. С. 39-55. (0,8 п.л.)

5. *Казакова К.С.* Некоторые особенности учебного процесса в русских университетах первой половины XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2009. № 5 (98) февраль: Общественные и гуманитарные науки. С.30-37. (1 п.л.)

6. *Казакова К.С.* Как жили студенты Петербургского университета в первой половине XIX в. // Санкт-Петербургский университет. 2009. № 2-3. С. 23-29. (в соавт. с Т.Н. Жуковской) (личный вклад автора 0.5. п.л.)

7. *Казакова К.С.* Социокультурный облик петербургских студентов первой половины XIX в. // Санкт-Петербургский университет в XVIII-XX вв.: европейские традиции и российский контекст. Материалы международной на-

учной конференции. Санкт-Петербург, 23-25 июня 2009 г. / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, И.Л. Тихонов. СПб., 2009. С. 45-57. (0,8 п.л.)

8. *Казакова К.С.* Документы Архива Министерства народного просвещения как источник по истории университетской повседневности // Материалы Всероссийской научной конференции «Архивы и история российской государственности». Санкт-Петербург, 11-12 декабря 2009 г. (в печати, 0,4 п. л)

Подписано в печать 15.12.2010 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1,4. Тираж 150 экз.
Заказ № 1839.

Отпечатано в ООО «Издательство "ЛЕМА"»
199004, Россия, Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 24
тел.: 323-30-50, тел./факс: 323-67-74
e-mail: izd_lema@mail.ru
http://www.lemaprint.ru